

К ВОПРОСУ ОБ ОТРАЖЕНИИ НАИВНОЙ КАРТИНЫ МИРА В ЛЕКСИКОГРАФИИ И ЛЕКСИКОЛОГИИ

Елена А. Балашова

Пермский университет, Россия

The article approaches to the decision of the problem of a naive picture of the world in native lexicologies and lexicographies. The whole complex of problems arising in this connection is the differentiation of naive and scientific concepts, the information fixed in explanatory and encyclopedic dictionaries, reflection in dictionaries of peripheral components of semantics of a word, interlanguages and ethno cultural semantic shares – finds reflection in the given work.

В лингвистической науке дифференциация научной и наивной картины мира опирается на предложенное А.А. Потебней еще во второй половине XIX в. разграничение «ближайшего» (собственно языкового) и «дальнейшего» (соответствующего данным науки) значения слова. Вслед за А.А. Потебней такое разграничение проводили многие исследователи, вводя различную терминологию: повседневное, широкое понятие и научное понятие (Д.П. Горский), житейское и научное понятие (А.В. Брушлинский, Л.С. Выготский), «бытовые» и «научные» семы (И.А. Стернин), наивное и научное представление (Ю.Д. Апресян).

Д.П. Горский считает, что научные понятия отличаются от понятий, которыми мы пользуемся в повседневной жизни, тем, что в них отражены такие общие и отличительные признаки, которые являются существенными. «Научное понятие, выражаемое тем или иным словом, играет и роль значения этого слова <...>, и роль мысли, раскрывающей сущность предметов, обозначаемых этим словом» (Горский 1957: 85). Именно поэтому крайне негативными могут быть последствия нечеткого разграничения обыденных и научных понятий при толковании терминологической лексики.

Л.С. Выготский, напротив, значение слова связывает с «житейским», обыденным понятием, противопоставляемым научному. Научное понятие эксплицитно, оно предполагает, как минимум, дефиницию, отграничивающую данное понятие от любого другого путем указания на его релевантные признаки, а как максимум – совокупность утверждений, в целом дающих трактовку всем существенным граням понятия. Научное понятие не привязано к словарной единице, оно может передаваться сколь угодно сложными в языковом отношении образованиями. Если значения (= обыденные понятия) – элемент словаря и обыденного текста, то научные понятия – элемент энциклопедий, другой справочной литературы, а также принадлежность семантики научного текста, поэтому не имеют к лингвистике прямого отношения (Касевич 1990: 19).

Для лексикографов семантика языкового знака (сведения о классе называемых знаком вещей) отражает наивное понятие о вещи, свойстве, действии, процессе, событии и т.п. Сущность, называемая (лексическим) значением слова, – это не научное, а «наивное» понятие о соответствующей вещи, иногда отягощенное смысловыми и эмоциональными ассоциациями, не соответствующими каким-либо существенным признакам обозначаемого словом предмета или факта. Простейший пример расхождения между наивными и научными представлениями дал еще Л.В. Щерба в «Опыте общей теории

лексикографии», полагавший, что специальные термины имеют разные значения в общелитературном и специальном языках. «Прямая (линия) определяется как кратчайшее расстояние между двумя точками. Но в литературном языке это, очевидно, не так. Я думаю, что прямой мы в быту называем линию, которая не уклоняется ни вправо, ни влево (а также ни вверх, ни вниз)» (Щерба 1974: 287). Разграничивая обывательские и научные понятия, Л.В. Щерба говорит, что «не надо навязывать общему языку понятия, которые ему вовсе не свойственны и которые – главное и решающее – не являются какими-либо факторами в процессе речевого общения» (Там же, 294).

Эту двойственность значения Ю.Д. Апресян обнаруживает не только у специальных терминов, но и у общеупотребительных слов. В работе «Лексическая семантика» он связывает наивную картину мира со значением слова. Складывающаяся веками наивная картина мира, в которую входит наивная геометрия, физика, психология и т.д., отражает материальный и духовный опыт народа – носителя данного языка и поэтому может быть специфичной для него в двух отношениях:

1) наивная картина некоторого участка мира может разительным образом отличаться от чисто логической, научной картины того же участка мира, которая является общей для людей, говорящих на самых различных языках;

2) наивные картины мира, извлекаемые путем анализа из значений слов разных языков, могут в деталях отличаться друг от друга, в то время как научная картина мира не зависит от языка, на котором она описывается. Например, с «русской» точки зрения, диван имеет длину и ширину, а с «английской» точки зрения – длину и глубину; в Германии ширину дома можно измерить в окнах, а в России этот способ необычен, хотя и понятен (Апресян 1974: 59).

Наивную картину мира Ю.Д. Апресян связывает с общелитературным, общеупотребительным значением, противопоставляя его научному. Исследователь так определяет задачу лексикографа, если тот не хочет покинуть почвы своей науки и превратиться в энциклопедиста: «задача состоит в том, чтобы вскрыть эту наивную картину мира в лексических значениях слов и отразить ее в системе толкований» (Там же, 57).

Реконструкция наивной модели мира на основе полного описания лексических и грамматических значений начинает рассматриваться как сверхзадача семантики и лексикографии, имеющая ценность сама по себе. Языковые значения связываются с фактами действительности не прямо, а через отсылки к определенным деталям наивной модели мира, как она представлена в данном языке. В результате появляется основа для выявления универсальных и национально своеобразных черт в семантике естественных языков, вскрываются некоторые фундаментальные принципы формирования языковых значений, обнаруживается глубокая общность фактов, которые раньше представлялись разрозненными (Апресян 1995: 630).

По точному наблюдению Ю.Д. Апресяна, понятие наивной модели мира дает семантике новую интересную возможность. В последнее время стали популярными исследования, посвященные описанию лексики в рамках «наивной геометрии», «наивной анатомии» и т.д.

Так, например, Е.Д. Урысон в работе «Фундаментальные способности человека и наивная анатомия» исследует семантику русских существительных, обозначающих такие основные способности человека, как слух, зрение, память, ум, душа, сердце и т.д. Изучая сочетаемость этих лексем, автор приходит к выводу, что с точки зрения наивных

представлений, отраженных в русском языке, человек устроен совершенно иначе. Во-первых, внутри человека имеются невидимые нематериальные сущности, подобные органам (например, душа). Во-вторых, психические процессы связываются с определенными внутренними органами (например, сердцу, органу кровообращения, приписывается функция органов чувств) (Урысон 1995: 6).

В.А. Плунгян, изучая наивную картину мира в африканских языках, делает вывод о том, что «в описании наивной картины мира одно из центральных мест занимают представления о локализации ощущений в человеческом теле: для каждого из физических и психических проявлений человека имеется определенный орган, являющийся местом их «нормального» пребывания. <...> Указанная особенность (т.е. обязательная связь ощущений человека с каким-либо органом его тела), по-видимому, является универсальной; различие же между конкретными языками заключается в том, как именно распределяются ощущения на наивной «анатомической карте» человека» (Плунгян 1991: 155). Исследователь проводит следующее сопоставление: в европейских языках сердце играет центральную роль как место сосредоточения эмоций, в китайской наивной картине мира часть эмоций локализуется в почках, в языках Западной Африки печень является сосредоточением эмоций, а нос является локализацией жизненной силы, т.е. души.

Таким образом, на примере наивных представлений о внутреннем мире человека мы получаем доказательства того, что наивные представления отнюдь не примитивны, во многих случаях они не менее сложны и интересны, чем научные (Апресян 1996: 630).

В семантику слова, кроме понятийных, входят и другие сведения. Эти сведения ответственны за словопроизводство, за номинативную сочетаемость слова и могут быть как межъязыковыми, так и национально-культурными. Всю совокупность непонятийных сведений Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров называют лексическим фоном, а отдельные признаки, элементарные сведения семантики слова – семантическими долями. В составе лексической семантики (преимущественно в пределах лексического фона) различаются межъязыковые и национально-культурные семантические доли. Толковые словари семантизируют лексические понятия, а лингвострановедческие – лексические фоны (Верещагин, Костомаров 1980а: 11-25).

Примечательно, что если даже ассоциаты совпадают в двух языках, то это отнюдь не значит, что качество ассоциаций одинаково, – семантические доли тем не менее могут оказаться национально-культурными. Так, окно – элемент жилища и в нашей стране, и на Кубе, но у нас окно призвано хранить тепло, а на Кубе – проветривать жилище. Соответственно, традиционные русские жилища строились так, чтобы ветер не задувал в окна, а кубинские сознательно открыты воздушным потокам (Верещагин, Костомаров 1980б: 12). Точно так же и лексико-семантические варианты могут варьироваться в связи с национально-культурной спецификой.

Необходимо отметить, что часть значения, понимаемая всеми членами коллектива и передаваемая языковым знаком, отличается от той, которая связывается с данным знаком у каждого из говорящих на данном языке. У каждого говорящего к значению слова прибавляются личные наблюдения, ассоциации, личные коннотации, сведения, полученные из жизненного опыта и т.д. Именно эта сторона содержания знака с трудом поддается анализу, но она, несомненно, оказывает большое влияние на обыденное толкование значения слова. И только в последние десятилетия было положено начало описанию значения через обращение к носителям языка. Это, с одной стороны, обнаружило ряд специфических особенностей значения как достояния индивида

(например, роль опоры на характерные, «случайные» признаки, на примеры или прототипы категорий, учет связанных со словом эмоционально-оценочных переживаний и т.д.), а с другой – породило тенденцию к отрицанию опыта предшествующих исследований, абсолютизации обнаруженных факторов (Залевская 2000: 100).

Следует отметить, что в последние годы особое внимание специалистов привлекают периферийные компоненты семантики слова – факультативные, ассоциативные, вероятностные, слабые, коннотативные семы. Само значение определяется как когнитивный феномен, а любые данные об этом феномене – как проливающие свет на структуры сознания, их «форматы» и внутреннее устройство (Кубрякова 1994: 37).

Когнитивная лингвистика постулирует невозможность и ненужность дифференциации языковой и неязыковой (энциклопедической) информации. По мнению психолингвистов, органическая связь между знаниями о мире (или энциклопедическими знаниями) и знаниями языковой системы (или языковыми знаниями) определяется спецификой переработки памятью человека разностороннего (в том числе и речевого) опыта взаимодействия индивида с окружающим его миром.

Вопрос о демаркационной линии между языковой информацией о значении слов и почерпнутой из реального мира информацией о свойствах вещей затрагивает Ч. Филлмор в работе «Основные проблемы лексической семантики» (1983). Он не считает невозможным разграничение роли лексикографа и составителя энциклопедий и также не считает, что все, что говорящий знает о значении и употреблении слова, может быть собрано и представлено в словарной статье. «Наиболее полезный практический словарь во многих случаях будет обращаться просто к знанию читателя о мире, предоставляя ему достаточно информации, чтобы он сам тем или иным образом добывал добавочную информацию в том случае, когда он не в состоянии понять предложения, содержащее данное слово, а словарное определение не может ему помочь. Во всяком случае, ясно, что любая попытка соотнести знание человеком значений слова со способностью интерпретации текстов неизбежно приведет к признанию важности внеязыковой информации в процессе интерпретации» (Там же, 118).

С.Д. Кацнельсон в работе «Типология языка и речевое мышление» разграничивает языковые знания и конкретные знания о мире, выражаемые с помощью языка. «Каждый человек, как правило, знает о предметах и их свойствах гораздо больше, чем это нужно ему для называния <...> Конкретные знания о предметах могут быть весьма обширными, выражаются они с помощью языка, но не в самом языке, а в образуемых на его базе речевых произведениях, сообщениях, текстах. <...> Конкретные знания о мире различаются у разных людей в зависимости от житейского опыта, круга занятий и интересов, уровня образования и т.п. Что объединяет при этом всех носителей данного языка, это знание основ языка и соответственно минимальный запас предметно-содержательных знаний, подсказываемых языковыми единицами» (Кацнельсон 1972: 131).

По мнению Г.А. Брутяна, сопоставление энциклопедии с толковым словарем любого конкретного языка позволяет обнаружить, что:

- 1) толковый словарь любого конкретного языка содержит в себе основную информацию соответствующих понятий энциклопедии, и если не всю информацию, то только потому, что она не входит в задачу словаря;
- 2) толковый словарь любого конкретного языка сообщает какую-то дополнительную информацию, не содержащуюся в соответствующей энциклопедии и обусловленную

характером, системой и спецификой данного языка, – эти дополнительные информации варьируются от языка к языку (Брутян 1973: 109).

Различие словарных и энциклопедических толкований рядом исследователей связывается с различием значения слова и понятия: словарные толкования дают общее представление о значении слова, а энциклопедические словари – о понятии (Маслова 2004). Ю.Н. Караулов считает, что у исследователей нет инструмента, который позволил бы провести четкую грань между понятием и значением. Он указывает на совпадение результатов чисто лингвистического анализа значений слов с их логико-философским понятийным содержанием (Караулов 1976: 272).

По определению Большого энциклопедического словаря (Языкознание 1998: 261-262), лексическое значение слова – «содержание слова, отображающее в сознании и закрепляющее в нем представление о предмете, свойстве, процессе, явлении и т.д.». Соотношение между понятием и значением выявляется в разных отношениях: с одной стороны, значение шире понятия, так как включает в себя оценочный компонент и ряд других элементов, с другой стороны, значение уже понятия, так как понятие охватывает более глубокие и существенные свойства. Значение соотносится с ближайшими (формальными, бытовыми) понятиями, отличающимися от содержательных, научных понятий (совмещение происходит только у терминов).

Таким образом, в современном языкознании выделяются три типа толкований значения слова:

- энциклопедическое определение, раскрывающее всю совокупность существенных признаков предмета (оно зафиксировано в энциклопедиях);

- научное толкование, содержащее существенные, сущностные признаки предмета, обнаруженные научным знанием на определенном этапе своего развития (зафиксировано в специальных словарях), научные дефиниции используются при толковании слов-терминов, отражающих однозначные и законченные понятия, представляющие собой симметричные языковые знаки (Paternu 1989: 20; Vidovič-Muha 2000: 192);

- «филологическое» толкование, отражающее общелитературное, общеупотребительное значение слова, содержащее минимальный набор признаков, необходимый для дифференциации предметов (зафиксировано в толковых словарях).

Различия между толкованиями польские лингвисты связывают с выбором определенной «точки зрения» – это «субъективно-культурный фактор, определяющий способ суждения о предмете, в том числе отнесение предмета к определенной категории, выбор ономазиологического основания при создании его названия» (цит. по: Голованова 2002: 22). Он определяет основание дефиниции и обуславливает различия значения слова в разных контекстах. Своей целью Е. Бартминский и Р. Токарский ставят составление словарей на основе так называемых открытых когнитивных дефиниций, их задачей является демонстрация понятийных моделей имен, в которых рядом с явными, сохраненными в системе свойствами, находится место и для коннотаций слабых, контекстных. Основой для создания такой дефиниции является тезис о неразрывной связи знаний о мире с языковой семантикой – «семантические знания «погружены» в общие знания о мире, в знания реалий, культуры и т.п.» (Będkowska-Kopczyk, Jamnik 2004: 173-175; Голованова 2002). На основании этих дефиниций в Польше создаются «Словарь народных стереотипов» и «Словарь ценностей».

Д.И. Арбатский вводит понятие семантических определений. Это толкования лексических значений слова, наиболее полно и всесторонне раскрывающие смысловую

структуру слова, его семантические компоненты, в известной мере отражающие познавательный опыт многих людей, целых поколений. «Истолкование смысла слова намечает пути изучения предмета, формирует понятие о нем» (Арбатский 1977: 3). По своему содержанию семантические определения совпадают с энциклопедическими, так как в качестве семантических признаков в толкованиях значений слов обычно используются наиболее существенные признаки предметов и явлений.

И.А. Стернин в работе «Проблемы анализа структуры значения слова» вводит системное значение слова – величину, определяемую экспериментальным путем. В ходе эксперимента информантам предлагается индексировать все признаки предмета, которые выписываются из различных словарей и энциклопедий, по специальной шкале: 0 – «не знаю», 1 – «да», 2 – «скорее да», 3 – «равновероятно», 4 – «скорее нет», 5 – «нет». В результате в ряде системных значений выделяются общепринятые «научные» семантические компоненты, связанные со специальными областями знаний. Таким образом, выделяется определенная часть знаний о денотате, известная всем говорящим, – это и есть системное значение слова. Оно представляет собой не минимум отличительных признаков, не энциклопедическую информацию, а совокупность признаков, находящуюся посередине этих двух типов семантических определений – совокупность признаков, являющуюся достоянием всего говорящего коллектива (Стернин 1979: 80).

Особого внимания заслуживает лексикографическая концепция А. Вежбицкой. По ее мнению, лексикография как практика, ориентирована на более или менее наивное восприятие. С той разницей, что словари общего типа должны быть своего рода моделью действительно наивного языкового сознания нерелефлексивного индивида, а словари научные – быть адекватными наивному слою языкового сознания профессионала и более глубинной части этого сознания, т.е. особому профессиональному чутью (Фрумкина 1989: 45). Языковые сознания различаются на основании того, что различаются наивные понятия, соответствующие определенным словам – т.е. на основании осведомленности говорящих. А. Вежбицкая разграничивает лексикографическую и энциклопедическую информации следующим образом: знания, которыми обладают только узкие специалисты в некоторой области – заведомо энциклопедические и не должны быть включены в значение слова. Например, то, что знают о тиграх только зоологи, а о просе – только биологи, – это такая «добавка» к наивным знаниям, которая заведомо не является лексикографической информацией и лежит вне интересов лингвиста.

А. Вежбицкая пишет о необходимости разграничения «молчаливого» знания, которое спрятано в «глубинах» человеческого сознания, но которое можно вытащить на поверхность, и научное знание, которого наивные носители могут просто не иметь и которое не могут обнаружить самые настойчивые поиски. Последнее, в противоположность первому, не отражается в языке и не играет никакой роли в лингвистическом исследовании. «Семантика – это поиски смысла, а не поиски научного или энциклопедического знания» (Вежбицкая 1996: 244).

Таким образом, в современной лексикологии наиболее актуальным является вопрос о разработке новых комплексных методов, позволяющих выявить то «молчаливое» знание, о котором пишет исследователь. Именно оно является неотъемлемой составляющей наивной картины мира носителей языка. Ни одно самое исчерпывающее исследование словарных дефиниций традиционных толковых словарей не может дать целостной картины. Необходимы качественно новые подходы лексикологов и лексикографов к решению данного вопроса.

Библиографический список

- Będkowska-Kopczyk A. et. al.* Razvoj kognitivističnega znanstvenega diskurza na Poljskem in v Sloveniji / A. Będkowska-Kopczyk, T. Jamnik // Aktualizacija jezikovnozvrstne teorije na Slovenskem: členitev jezikovne resničnosti. (ur.) E. Kržišnik. Ljubljana, 2004. S. 165-178.
- Paternu B.* Jezik znanosti in jezik poezije / B. Paternu. Slovenski jezik v znanosti 2. Zbornik prispevkov. Ljubljana, 1989. S. 17-23.
- Vidovič Muha A.* Slovensko leksikalno pomenoslovje – Govorica slovarja / A. Vidovič Muha. Ljubljana, 2000.
- Апресян Ю.Д.* Избранные труды: в 2 т. / Ю.Д. Апресян М., 1995. Т. 2.
- Апресян Ю.Д.* Лексическая семантика / Ю.Д. Апресян. М., 1974.
- Арбатский Д.И.* Толкования значения слов. Семантические определения / Д.И. Арбатский. Ижевск, 1977.
- Брутян Г.А.* Язык и картина мира / Г.А. Брутян // Философские науки. 1973. № 1. С. 108-111.
- Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. М., 1996.
- Верещагин Е.М. и др.* К развитию концепции слова как вместилища знаний / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров // Язык и речь как объекты комплексного филологического исследования. Калинин, 1980а. С. 5-30.
- Верещагин Е.М. и др.* Лингвострановедческая теория слова / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. М., 1980б.
- Голованова А.В.* Проблемы языковой картины мира в польской лингвистике / А.В. Голованова // Проблемы социо- и психолингвистики: сб. ст. / отв. ред. Т.И. Ерофеева. Пермь, 2002. Вып.1. С. 22-25.
- Горский Д.П.* Роль языка в познании / Д.П. Горский // Мышление и язык. М., 1957.
- Залевская А.А.* Введение в психолингвистику / А.А. Залевская. М., 2000.
- Караулов Ю.Н.* Русская и общая идеография / Ю.Н. Караулов. М., 1976.
- Касевич В.Б.* Язык и знание / В.Б. Касевич // Язык и структура знания. М., 1990. С. 8-25.
- Кацнельсон С.Д.* Типология языка и речевое мышление / С.Д. Кацнельсон. Л., 1972.
- Кубрякова Е.С.* Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука / Е.С. Кубрякова // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 34-47.
- Плунгян В.А.* К описанию африканской «наивной картины мира» / В.А. Плунгян // Логический анализ языка: Культурные концепты. М., 1991. С. 155-160.
- Стернин И.А.* Лексическое значение слова в речи / И.А. Стернин. Воронеж, 1979.
- Урысон Е.Д.* Фундаментальные способности человека и наивная анатомия / Е.Д. Урысон // Вопросы языкознания. 1995. № 3. С. 3-16.
- Филлмор Ч.* Основные проблемы лексической семантики / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1983. Вып. 12. С. 74-122.
- Фрумкина Р.М.* Лингвист как познающая личность / Р.М. Фрумкина // Язык и когнитивная деятельность. М., 1989. С. 38-46.
- Щерба Л.В.* Опыт общей теории лексикографии / Л.В. Щерба // Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. М., 1974.
- Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М., 1998.